

Сегодняшнюю Россию я не знаю и писать о ней не рискую, —

говорит лауреат премии Букера за 1994 год **Георгий ВЛАДИМОВ**

— Я уже приезжал в Россию, правда, в Ленинград, в 1990 году. Тоже не обошлось без иностранцев — в составе делегации голландского общества «Гулливера». Приехать на Родину по собственному желанию я не имею права, хотя свободно путешествую по всему свету. Видимо, слишком сильно разозлил власти предрассудки.

— Как вы эмигрировали?

— Я не эмигрант. Я — изгнанник. Выхаю под давлением, под угрозой, что если не выберу Запад, то достанется Восток. В другое время подошел бы и лагерь: ничего страшного, люди это переживают. Но мне было 52 года, со мной случился обширный инфаркт. И лагерь после этого означал растянутую смертную казнь.

Мы с женой избрали другой путь и приняли приглашение Кельнского университета прочесть годовой курс лекций о советской литературе. А власти, в зависимости от моего поведения, вольны были решать: впускать нас обратно или нет. Но условия были не выполнены: через месяц и четыре дня после отъезда меня лишили советского гражданства и нам пришлось обратиться к немцам с просьбой о политическом убежище.

— Правда ли, что перед отъездом Вам грозил судебный процесс?

— До сегодняшнего дня живу со статусом политического беженца и с так называемым рауз-аусвайсом — документом путешественника. Следователь заявил прямо: «Мы привлечем вас в качестве подсудимого за антисоветскую деятельность».

— Где Вы теперь живете?

— Мы живем в Нидернхаузене, в 13 километрах от Висбадена. Городок маленький, название можно перевести как «Дома в низине», а в немецких летописях он упоминается с XIII века. Мы всегда хотели поселиться в небольшом городе. Оно и дешевле, и машину есть где припарковать.

— Какое-то время Вы читали лекции или работали главным редактором журнала «Грани». На что Вы живете сейчас?

— Преподаю я очень редко, так что приходится крутиться. Есть русское радио, русские газеты, наконец, переиздания. В России писатели живут так же. Статус беженца помогает оплатить квартиру, а это довольно существенная статья расходов. Живем мы скромно. Главное, есть машина и возможность видеть мир.

— Удастся ли Вам следить за событиями в России?

— За всеми российскими событиями мы следим по германским передачам: Россия как страна-победительница, от которой они очень долго зависели, по-прежнему интересуют немцев. Мы получаем журнал «Знамя» и газету «Московские новости», иногда на вокзале можно купить «Литературную газету». В конце концов, есть письма и телефон.

Большое наслаждение испытываешь, просто услышав русскую речь. В самолете какие-то инженеры говорили о лакокрасочных покрытиях — я заслушался и ощутил себя дома.

— Как Вы относитесь к самой идее литературных премий?

— Не только как к возможности получить деньги. Премии привлекают внимание к произведению, вызывают повышенный интерес среди критиков и читателей. К сожалению, полемика может вестись по нечестным правилам, и, бывает, появляются статьи, которые не разбирают, а просто уничтожают произведение.

— Вы чувствительны к критике?

— Очень. Потому что есть читатель, который мне верит. Когда он читает статью, подписанную «Владимир Богомолов. Участник войны. Писатель», посвященную моему роману, читатель должен получить мой ответ. И опять обрести веру.

Я не считаю, что меня можно оправдать тем, что и у Толстого, мол, были ошибки, Толстой — великий писатель, и ему ошибки позволительны. А я такого права не имею и поэтому обязан защитить свое произведение по всем обвинениям в исторических погрешностях и неточностях. Я написал большой 30-страничный ответ, где анализирую всю статью Богомолова в «Книжном обозрении», и вижу как раз у него ошибки и неточности. У меня действительно есть 2–3 незначительные погрешности чисто формального порядка. Что же касается действующих лиц, генерала Власова или немца Гейнса Гудериана, то здесь все абсолютно достоверно. И не Богомолову мне указывать. Он пользуется советскими источниками, которые не всегда верны, да и не гнушается неточным цитированием, на что, кстати, уже указали критики Кардин и Нехорошев в девятом номере «Знамени». Но они меня защищали, а меня защищать не надо.

— Сегодня книжки издаются быстро, особенно так разрекламированные, как Ваш роман. Вы не думали об издании?

— Пока я напечатал только журнальный вариант, а некоторые эпизоды дописываю до сих пор. Сейчас это просто роман-блиц, а ведь его можно развернуть в полную шахматную партию. Не думаю, что надо спешить с изданием. В «Новом мире», где я работал, сложилась традиция: печатают только журнальные варианты. К этому приучила цензура, следившая за журналом сквозь большие увеличительные стекла. А в книжном издании мы потихоньку все возвращали и вставляли. Поэтому я и решил напечатать журнальный вариант. Так же, как бы он выглядел в журнале Твардовского.

«Книжная палата» предлагала выпустить в одной книжке «Генерала» и «Три минуты мол-

Русский писатель **Георгий Владимов** лишился советского гражданства одним из последних — в 1983 году. И приехал в Москву он тоже одним из последних, после тринадцатилетнего отсутствия, впервые. Автор повестей «Большая руда» и «Три минуты молчания», «Верного Руслана» и множества публицистических статей, Владимов получил букеровский приз за роман «Генерал и его армия».

Нынешняя поездка организована Британским советом.

чания», но на это я совсем не мог согласиться: абсолютно разные вещи, написанные в разное время, нельзя объединять. Не говоря уже о том, что «Три минуты молчания» я значительно переделал уже после издания.

— По-моему, и прежний вариант был замечателен. Я даже процитировать могу: «Моряк должен уметь подойти: к причалу, к столу и к женщине».

— Единственный случай в моей писательской практике, когда все пройденное героем я испытал на себе. Я поехал на море как корреспондент «Литературной газеты», но знакомые моряки быстро объяснили, что если я стану пассажиром на судне, где все тяжело работают, то никакой статьи написать не удастся: люди суровые и никто не откроется. Пришлось стать настоящим моряком. До этого никогда в море не бывал, даже пассажиром. Ока-

залось, что качку, слава Богу, переношу легко. Я уже думал, как пойду в следующий рейс с этой же командой, но, когда сошел на берег, в киоске появилась моя первая повесть «Большая руда». Я понял, что моя дорога все же другая, и поехал домой. Но такой опыт случился всего лишь однажды. И когда я писал «Большую руду», повесть о шофере, то даже машины еще не водил. Меня хвалили за точность, но это было книжное знание, дотошность.

— То же, что и в «Генерале»?

— Да. В молодости мне хотелось заработать. А Воениздат как раз организовывал серию военных мемуаров. Всем генералам, маршалам и некоторым полковникам предоставили возможность высказаться. Это был хитрый ход: когда человеку предлагают написать, он часто говорит совсем не то, что мог бы сказать за бутылкой водки. Появляются чувство ответст-

венности, цензура, редактор, возможность все пригладить и сделать так, чтобы все выглядело более-менее пристойно и не возбуждало дискуссий. Меня прикрепили в качестве литработника к генералу П.В. Севастьянову. Генералы с трудом ворочают пером, но рассказывают прекрасно. Правда, когда вы хватаетесь за карандаш, они начинают говорить деревянными словами и формулировками из штабных документов. Но тогда у меня была молодая память, и, приходя домой, я все записывал: то, что для книги, — отдельно, то, что для себя, — отдельно. Так что в основу «Генерала» легла одна из историй, рассказанных мне еще в начале 60-х годов.

Между прочим, на судьбу «Генерала» оказал воздействие Твардовский...

— Так же, как на «Верного Руслана»?

— Твардовский дважды был моим судьей. Не как редактор. Скорее, как старший коллега. Я попросил его прочесть мой рассказ «Верный Руслан» — тогда сатирический, на 62 страницы. Твардовский ответил: «Вы не разыграли героя, и Вам совсем не надо издеваться над собачьей историей — по-своему это собачья трагедия». Я переделал рассказ в повесть, но было уже поздно: сняли Хрущева, лагерная тема закрылась и пришлось издаваться на Западе.

А потом был такой же небольшой рассказ «Генерал и его армия». Твардовский резюмировал: «А это вообще тема для романа».

Я считаю, что «Войну и мир» (произведение в четырех томах) невозможно написать на материале прошедшей войны. С нашествием Наполеона Вторую мировую сравнить просто невозможно. Но можно исследовать одну операцию пристально и подробно и в ней отразить все наше отношение к войне, все настроения людей.

— Существуют ли еще люди, чье мнение Вас интересует?

— Мне интересно мнение Григория Бакланова, который сам — автор военной прозы. Его одобрение воспринимаю как большую награду. Но я прислушиваюсь и к мнению критиков из моего поколения, которым не выпало воевать.

К сожалению, я больше читаю эмигрантских писателей. А особенно Сергея Юрьенена, Юрия Милославского — ту шестерку, которая уехала на Запад, чтобы осуществиться. После смерти самого, на мой взгляд, талантливого Сергея Довлатова, их осталось пять. А так, к сожалению, не могу никого назвать, не хочется кого-нибудь обидеть.

— Роман «Генерал и его армия» анонсировался в нескольких литературных журналах, но ваш выбор остановился на «Знамени».

— «Знамя» напечатало мою повесть «Вер-

ный Руслан» в 1989 году, когда еще требовалось какое-то разрешение властей. И теперь я, как верный пес, сохраняю верность тому журналу, который меня впервые опубликовал. Да и первое московское интервью я не случайно даю «ОГ». Первое интервью, напечатанное после изгнания, было опубликовано в «Московских новостях» — в газете Егора Яковлева.

— Как Вы относитесь к мнению некоторых эмигрантов, считающих, что никаких кардинальных изменений в России так и не произошло?

— По-моему, главное достижение последних десяти лет — это гласность. Ведь гласность составляет существо моей профессии. Я наконец могу произнести запретное имя генерала Власова и сказать, что он участвовал в Московской битве.

Я не могу не сочувствовать развитию частной инициативы, которая, к сожалению, слишком задавлена налогами и рэкетом, я не могу не ужасаться организованной преступности.

— Вами написано множество публицистических статей. Сохранили ли Вы веру в слово?

— Я не знаю, существует ли сейчас такая необходимость: публицистов объявилось много. Я и сегодня сохраняю веру в слово, но не чувствую потребности и необходимости активно участвовать в общественной жизни. Когда семь человек выходили на площадь, это было значимо. Когда выходит триста тысяч — можно посидеть дома. Но если будет нужда выйти семерым, можете рассчитывать, что я буду восьмым.

— А будет нужда?

— Все может быть. Я знаю, что путь России всегда был тяжел, и в новом веке будет тяжел.

— Над чем Вы сейчас работаете?

— Теперь я могу писать только о своем прошлом. О своих шестидесяти годах, о тяжелом брежневском восемнадцатилетии. Сегодняшнюю страну я не знаю и писать о ней не рискую.

Работаю над повестью «Долог путь до Типперэри»: о том, как мы, трое пятнадцатилетних, пошли выразить сочувствие писателю Зоценко. Я считаю себя сороковником: именно тогда, в 1946 году, проявилась моя гражданская позиция, изменилась вся жизнь. Из нее нельзя исключить ни одного события, чтобы цепь не порвалась. Повесть заканчивается в августе 91-го.

В общем, автор впервые рассказывает о себе. Не только же, в конце концов, описывать других.

— Вы бы хотели снова жить в России?

— А где? У меня конфисковали кооперативную квартиру, мне некуда возвращаться, но, если бы было жилье, мы бы приехали. Конечно.

Беседовала
Юнна ЧУПРИНИНА